

ИЗ "ЛИТЕРАТУРНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ"

В 1839 или в начале сорокового года находились мы в рекреационной зале; вошел в нее дежурный офицер Фермор, придерживая в руках пачку тоненьких брошюр в бледно-розовой обертке. Предлагая нам покупать их, он рассказывал, что автор стихов, заключавшихся в брошюрах, молодой поэт, находится в стесненном денежном положении. Брошюра имела такое заглавие: "Мечты и звуки"; имя автора заменялось несколькими буквами¹.

Это происходило в самый разгар моего литературного увлечения. Стихи неизвестного писателя, сколько помнится, не произвели на меня и Достоевского особенного впечатления. Но для меня довольно было тогда слова "поэт" и знать, что такой поэт существует здесь, в Петербурге, чтобы пробудить любопытство, желание хотя бы глазком взглянуть на него. Последнее, к великой моей радости, не встретило затруднения. Один из моих товарищей, Тамамшев, племянник Фермора, знаком был с поэтом; он сообщил, что настоящее имя поэта Некрасов, и обещал свести меня к нему в первый свободный праздник. Можно себе представить, как радостно было принято предложение. Мы отправились в первое воскресенье. Что-то похожее на робость овладело мной, когда мы стали подходить к дому, где жил Некрасов. Дом этот находился на углу Колокольной улицы и Дмитровского переулка; надо было проходить через двор и подняться по черной лестнице. На звон дверь отворил нам слуга, довольно чисто одетый; мы вошли в небольшую светлую прихожую, перегороженную стеклянной перегородкой, за которой помещалась кухня. В следующей комнате, довольно просторной и светлой, бросался прежде всего в глаза беспорядок; подоконники, пол, кровать, небольшой стол были завалены ворохом бумаг, газет и книг; на одном из подоконников из-под газет выглядывало несколько тарелок. Нас встретил молодой человек, среднего роста, худощавый, говоривший глухим, сиплым голосом; он был в халате; на голове его красовалась шитая цветными шнурками ермолка, из-под которой свешивались длинные, жиденькие волосы каштанового цвета.

Чем объяснил я ему наш неожиданный приход, как принял нас Некрасов, что говорилось при этом, - решительно не помню; надо думать, впечатление не настолько было сильно, чтобы врезаться в память.

Кроме стихов в известной брошюре, Некрасов успел уже тогда написать несколько рассказов, в числе которых повесть "О пропавшем без вести пиите"². Но гонорар в то время платили только известным литераторам; остальные должны были считать за счастье, когда удостоивали печатать их произведения; если им платили, то настолько скудно, что жить одним литературным трудом едва ли было возможно. Практический ум Некрасова помог ему обойти затруднения: он свел знакомство с Куликовым, главным режиссером русской труппы, и стал работать для театра. Из пьес его помню только водевиль: "Шила в мешке не утаишь, девушку под замком не упрячешь"³. Он тогда же перевел пяти-актную драму: "La nouvelle Fanchon" под названием: "Материнское благословение"⁴. Каким образом ухитрился он это сделать, не зная буквально слова по-французски, остается непонятным. Сколько нужно было воли, терпения, чтобы, частью пользуясь объяснениями случайно заходивших знакомых, частью по лексикону, довести до конца такую работу. <...>

Не помню хорошенько, в 1842 или 1843 году отправился я в ипподром Сулье, на Измайловском плацу. Там, в большом пространстве, загороженном досками, давались конные ристалища, скачки в раззолоченных колесницах, которыми управляли наездницы в ярких римских костюмах, происходили различные гимнастические и акробатические представления. Я занял скромное место подле какого-то молодого человека, который вдруг назвал меня по имени; присмотревшись, я узнал в нем Некрасова. Мы встретились, как старые знакомые⁵. Когда я сказал ему, что занимаюсь литературой, он сделался словоохотлив и пригласил меня к себе на дачу. Меня почему-то потянуло к нему. На другой же день отправился я по адресу на парголовскую дорогу. Дача была не больше, как простая изба, отдаваемая внаем огородником.

Я стеснялся спросить, что он именно теперь пишет, но видел на столе множество листов исписанной бумаги. Он говорил, что мало работает, большую часть дней проводит на охоте с ружьем. Не помню, конечно, в чем состояла наша беседа и как мы расстались. Осенью, встретившись на Невском, мы снова разговорились, и он снова пригласил меня к себе. С тех пор мы часто стали видеться. Он жил в доме каретника Яковлева за Аничковым мостом и занимал в нем небольшую квартиру; в одной из комнат было большое угловое итальянское окно, смотревшее на Невский.

Денежные обстоятельства Некрасова должны были быть тогда весьма незавидны. Я не раз заставлял его за рукописью, порученною ему каким-то стариком для исправления в ней языка; рукопись трактовала о различных способах ухода за пчелами. Такая работа не могла приносить ему много, и надобно было нуждаться в деньгах, чтобы за нее взяться.

Пример молодого литератора, жившего исключительно своим трудом, действовал возбuditельно на мое воображение. Жить также своим трудом, сделаться также литератором казалось мне чем-то поэтическим, возвышенным, - целью, о которой только и стоило мечтать. Я не давал себе покоя, придумывая сюжеты для оригинальной повести. Сотни раз, набросав сгоряча начало, прежде чем успел обдумать конец, я сокрушался, обескураженный, и бросал работу. <...>

У меня было столько охоты к литературным занятиям, что, несмотря на мои неудачные попытки, я нимало не падал духом. Некрасов поддерживал такое стремление, обещая дать мне работу. Спустя несколько времени он принес мне полдюжины французских брошюр, заключавших целый трактат о танцах "польки" и "редовы", вошедших тогда в моду; Некрасов просил меня составить из них книжку, название которой он заранее придумал: "Полька в Петербурге"⁶. Работа была мне не по вкусу; я ждал от него чего-нибудь более живого, литературного; но я согласился, так как Некрасов приглашал меня в то же время к участию. В периодическом издании юмористического сборника "Зубоскал", которое было у него в проекте. "Зубоскал", к которому я написал предисловие и для которого изготовлена была заглавная виньетка, был запрещен до появления первого выпуска. Одна неосторожная фраза в объявлении: "Зубоскал" будет смеяться над всем, что достойно смеха", - послужила поводом к остановке издания⁷. Но Некрасов был человек упорный, настойчивый; запрещение "Зубоскала" не охладило его издательскую деятельность. Вскоре придумал он новую книжку: "Первое апреля"⁸. Я снова написал к ней предисловие и небольшой рассказ "Штука полотна".

Обе эти книжки - "Полька в Петербурге" и "Первое апреля" - дали мне случай познакомиться с двумя литераторами, и оба раза при одинаковых условиях. Вечером как-то зашел я к театралу К. И. Огареву в ту минуту, когда какой-то господин бледного вида и с большими отвислыми бакенами разносил в пух и прах людей, способных писать и печатать такую гадость, как "Полька в Петербурге". Огарев поспешил представить меня как автора этому господину; это был поэт Губер, переводчик "Фауста". "Первое апреля" доставило мне случай познакомиться с Тургеневым. И. И. Панаев в своих воспоминаниях ошибочно упоминает о нашем знакомстве по этому поводу;⁹ ему весьма легко было ошибиться: лет за пятнадцать до того, как он думал писать свои воспоминания, я рассказал ему о моей забавной встрече с Тургеневым; по прошествии такого долгого промежутка времени не мудрено было ему запомнить случай и перемешать лиц. Я шел по Невскому с Некрасовым; нас догнал высокий господин смеющегося вида и тотчас же начал трунить над изданием "Первого апреля", особенно подымая на смех рассказ "Штука полотна". Некрасов указал на меня как на сочинителя рассказа. Тургенев удивленно взглянул на меня, рассеянно пожал мне руку и продолжал смеяться над книжкой. <...>

Около этого времени в иностранных книжных магазинах стали во множестве появляться небольшие книжки под общим названием "Физиологии"; каждая книжка заключала описание какого-нибудь типа парижской жизни. <...>

Некрасову, практический ум которого был всегда настороже, пришла мысль начать также издавать что-нибудь в этом роде; он придумал издание в нескольких книжках: "Физиология Петербурга". Сюда, кроме типов, должны были войти бытовые сцены и очерки из петербургской

уличной и домашней жизни. Некрасов обратился ко мне, прося написать для первого тома один из таких очерков.

Согласившись, я долго не знал, на чем остановиться. Проходя раз в дождливый осенний день по Обуховскому проспекту, я увидел старого шарманщика, с трудом тащившего на спине свой инструмент. До этого еще мое внимание не раз приковывали эти люди, - итальянцы по большей части, - добывающие таким ремеслом насущный хлеб. Их можно было встретить каждый день на любом из больших дворов Петербурга; они являлись с шарманками, с кукольной комедией, собиравшею вокруг себя детское население дома, с певцами, плясунами и акробатами, ходившими на руках и делавшими *salto mortale* на голой мостовой; сколько помнится, они тогда никому не мешали - ни жителям, ни общественному порядку, - напротив, много прибавляли к одушевлению серого, унылого города. Следя за ними глазами, я часто спрашивал себя, какими путями могли они добраться до нас из Италии, сколько должны были перенести лишений в своем странствовании, как они у нас устроились, где и как живут, довольны ли, или с горечью вспоминают о покинутой родине и т. д. Попав на мысль описать быт шарманщиков, я с горячностью принялся за исполнение. Писать наобум, дать волю своей фантазии, сказать себе: "И так сойдет!" - казалось мне равносильным бесчестному поступку! у меня, кроме того, тогда уже пробуждалось влечение к реализму, желание изображать действительность так, как она в самом деле представляется, как описывает ее Гоголь в "Шинели", - повести, которую я с жадностью перечитывал. Я прежде всего занялся собиранием материала. Около двух недель бродил я по целым дням в трех Подъяческих улицах, где преимущественно селились тогда шарманщики, вступал с ними в разговор, заходил в невозможные трущобы, записывал потом до мелочи все, что видел и о чем слышал. Обдумав план статьи и разделив ее на главы, я, однако ж, с робким, неуверенным чувством приступил к писанию. <...>

Рукопись "Шарманщики" очень понравилась Некрасову¹⁰. Она уже печаталась, когда утром раздался сильный стук в мою дверь; отворив ее, я увидел Некрасова с толстой книжкой в руках.

- Григорович, - сказал он, спешно входя в комнату,-- вчера умер наш знаменитый баснописец Крылов... Я принес вам сочинение Бантыш-Каменского, материалы для биографии Крылова; садитесь и пишите его биографию, но не теряйте минуты... Я уже прежде, чем быть у вас, заехал в литографию и заказал его портрет¹¹.

"Дедушка Крылов" - книжка, написанная мною в десять дней, не многим отличалась в литературном отношении от предшествовавших - "Первое апреля" и "Полька в Петербурге"¹².

Все эти мелкие, плохие книжонки сбывались Некрасовым книгопродавцу Полякову, издававшему их почти лубочным образом, но умевшему сбывать их с замечательной ловкостью.

Примечания

Дмитрий Васильевич Григорович (1822--1899) первые свои шаги в литературе в начале 40-х годов сделал при содействии Некрасова. В автобиографических заметках он писал: "Знакомство у Плюшара с сыном Н. И. Греча и Некрасовым, заведовавшим тогда литературным отделом "Литературной газеты", издаваемой Краевским. Пишу первую повесть в "Литературную газету": "Собачка", вторую: "Театральная карета" и фельетоны о художественной выставке в Академии художеств. Некрасов оставляет "Литературную газету", и я пишу для него разные брошюры и некоторые статьи для издания "Физиология Петербурга": 1. "Шарманщики", 2. "Лотерейный бал" (*ИРЛИ*, ф. 82, ед. хр. 39).

Повесть "Петербургские шарманщики" принесла Григоровичу успех. Некрасов в рецензии на сборник заметил, что это произведение "молодого литератора, впервые выступающего на литературное поприще, и вь ступающего чрезвычайно умно и удачно" (IX, 144). Вскоре Григорович становится активным сотрудником "Современника", где печатаются его лучшие произведения той поры: "Антон Горемыка" (1847), "Капельмейстер Сусликов", "Бобыль" (1848).

Григорович сотрудничал и в других журналах, но "ближайшие мои связи, - вспоминал он, - были все-таки с "Современником" благодаря старому знакомству с Некрасовым, симпатии к Панаеву и другим лицам кружка <...>. Все мы были почти одних лет, интересовались одним и тем же предметом. Редкий день не сходились мы в редакции, помещавшейся тогда на Невском <...>" (Д. В. Григорович, Литературные воспоминания, 1961, стр. 121). "С мыслью о вас, с вами, - писал Григорович в конце 40-х годов Н. М. Сатину, - соединяются близко, близко и "Современник", и Панаев, и Некрасов, и Авдотья Яковлевна, - словом, все, к чему так привык и что люблю крепко-накрепко" (ПМ, 1902, No 12, стр. 165).

Годы деятельного сотрудничества с Некрасовым были наиболее плодотворными в жизни писателя. Некрасов ценил его литературный талант. В 1853 году он писал ему: "Ваш роман "Рыбаки" без преувеличения удивительно хорош. Это все находят в Петербурге, и здесь я отовсюду слышу ему похвалы <...>. Я еду на самое место действия Вашего романа - в деревню, лежащую при Оке, и мне любопытно будет посмотреть, насколько верны Ваши описания" (X, 192). Некрасову "ужасно понравился" "Пахарь" (X, 273). Когда журнал нуждался в материалах, он обращался к Григоровичу: "У нас, право, ничего нет, то есть ничего нет с именем и хорошего. Итак, Вы нас выручите в самую нужную и критическую минуту" (X, 239).

Григорович в своих мемуарах достоверно и содержательно воспроизвел петербургский период жизни Некрасова. Но, придерживаясь либеральных взглядов, он тенденциозно осветил отношения поэта с Тургеневым, его роль в редакции "Современника". В 1855 году Григорович опубликовал в "Библиотеке для чтения" сатирическую повесть "Школа гостеприимства", в которой содержался пасквиль на Чернышевского. Отмечая ее "беззаботный и добродушный смех", Некрасов осудил автора за то, что он внес в свое произведение "свои антипатии" (IX, 308). С начала 60-х годов, когда Григорович отошел от активной литературной деятельности, его общение с Некрасовым прекратилось.

Печатается по книге: Д. В. Григорович, Литературные воспоминания. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В. А. Путинцева, Гослитиздат, 1961, стр. 49--50, 78--79, 81--82, 83--84, 85.

¹ Стр. 54. "Мечты и звуки" - сборник стихотворений Некрасова, изданный в 1840 г. под инициалами "Н. Н."

² Стр. 54. Рассказ Некрасова "Без вести пропавший пиита" был опубликован в журнале "Пантеон русского и всех европейских театров", 1840, ч. III, сентябрь, под псевдонимом "Н. Перепельский".

⁸ Стр. 55. Водевиль "Шила в мешке не утаишь, - девушки под замком не удержишь" был опубликован в "Репертуаре русского театра за 1841 год", т. I, кн. IV, под псевдонимом "Н. А. Перепельский"; в 1841 г. поставлен на сцене Александрийского театра. В водевиле использован сюжет повести В. Т. Нарезного "Невеста под замком". Некрасов пояснял, что "из повести Нарезного он заимствовал одну только идею да ход одной сцены... Все прочее г. Перепельский написал сам..." (XII, 217).

⁴ Стр. 55. "Материнское благословение" - перевод и переделка мелодрамы Деннери и Лемуана "Божья милость, или Новая Фаншон" (1841); была поставлена на сцене Александрийского театра в 1842 г.

⁵ Стр. 55. Эта встреча, вероятно, произошла летом 1844 г.

⁶ Стр. 56. Речь идет о книге "Полька в Париже и в Петербурге", СПб. 1845. Некрасов напечатал рецензию на нее (ЛГ, 1845, No 6).

⁷ Стр. 56. Издание первого выпуска "Зубоскала" намечалось на ноябрь 1845 г. В объявлении, написанном Ф. М. Достоевским, говорилось, что в "Зубоскале" будет "совершенно невинный, простодушный, беззаботный, ребяческий смех над всеми, над всем" (ОЗ, 1845, No 11). Некрасов сообщал Н. Х. Кетчеру о запрещении издания: "Зубоскал", о котором я писал,

выходить не будет; почему? *по обстоятельствам, не зависящим от редакции* <...>. А о себе скажу, что со времени несчастья, постигшего друга моего "Зубоскала", я куда как скучен" (X, 49-50).

⁸ Стр. 56. Альманах "Первое апреля" вышел в начале 1846 г.

⁹ Стр. 57. Панаев писал: "Однажды я встретил Некрасова на Невском проспекте. Он шел с каким-то стройным и высоким молодым человеком очень приятной наружности. Я присоединился к ним.

Каким-то образом у нас зашла речь об издании, в котором была помещена знаменитая "Штука полотна"... Я подшучивал над этим изданием. Некрасов смеялся вместе со мною и прибавлял свои шутки.

- Но уж нелепее всего в этой книжке, - заметил я, - это "Штука полотна"...

- Рекомендую вам автора этой "Штуки", - сказал Некрасов, указывая на молодого человека приятной наружности. - Это господин Григорович..." (И. И. Панаев, Литературные воспоминания, Гослитиздат, 1950, стр. 249).

¹⁰ Стр. 58. "Петербургские шарманщики" были напечатаны в первой части сборника "Физиология Петербурга" (1845).

¹¹ Стр. 58. И. А. Крылов умер 3 ноября 1844 г. Написанная Д. Н. Бантыш-Каменским биография Крылова была опубликована в "Библиотеке для чтения" (1845, No 3).

¹² Стр. 58. "Дедушка Крылов. Книга для подарка детям" вышла из печати в 1845 г. Некрасов в рецензии отмечал, что "она написана не только правильным, но и живым языком, украшена прелестными картинками, издана очень красиво, а о занимательности предмета ее для детей нечего и говорить" (IX, 162).